

Александр Котов

Общий знаменатель консервативного модерна

Alexander Kotov

(Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russia)

Common denominator of conservative modernism

«Консервативные модели российской государственности» – результат глубокой переработки предыдущих монографий А.В. Репникова¹, обогащённый как новыми источниками, так и исследовательским опытом. Главной методологической особенностью книги является стремление рассматривать русский консерватизм эпохи модерна как единое целое, охватывающее те или иные «модели». Между тем отечественная историография всё больше отходит от такого подхода. Очевидно, что «гептастилизм» К.Н. Леонтьева, «черносотенный» монархизм В.М. Пуришкевича, национализм М.О. Меньшикова и В.В. Шульгина – идеологии разные, зачастую серьёзно друг другу противоречащие. С другой стороны, некий «общий знаменатель» («первооснова») у различных консерваторов всё же есть. Это прежде всего – защита принципа исторической (сословной, национальной, государственной, религиозной) преемственности в условиях, когда её сохранение поставлено под сомнение. Словосочетание же «*русский консерватизм*» предполагает особое внимание к преемственности национальной. Таким образом, в числе русских консерваторов оказываются вполне либеральные славянофилы и, наоборот, выпадают из него те западники, которые выступали в защиту неограниченного самодержавия лишь как эффективного инструмента вестернизации. При этом национализм правых вовсе не исключал критического отношения к своему народу, но оно никогда не переходило у них в русофобию. Русские консерваторы – это те, кого во второй половине XIX в. причисляли к «русскому», «московскому» или, реже, «народному» направлению, а В.В. Кожин в

1969 г. в знаменитой дискуссии о славянофильстве назвал «самобытниками»². В результате, вопреки названию работы, перед читателем предстают не различные, а одна-единственная модель, которую автор конструирует из зачастую весьма разнородных элементов (разумеется, указывая на существующие между ними противоречия).

Монография несомненно рассчитана на эрудированных читателей, знакомых с событийным и интеллектуальным контекстом истории консервативной мысли. В книге он, естественно, мог быть отражён лишь в самых общих чертах. Но при необходимости восстановить его поможет подготовленная при участии А.В. Репникова энциклопедия русского консерватизма³. Упрекать же автора в «деконтекстуализации» консервативной идеологии не совсем справедливо: очевидно, в данной работе для него интеллектуальный контекст важнее событийного⁴.

Самая объёмная и значимая глава монографии посвящена теоретическим основам консервативного мировоззрения и социальным концепциям охранителей. Наиболее ярким апологетом сословности, аристократизма и неравенства среди них был К.Н. Леонтьев, считавший, что «неравноправность людей и классов важнее для государства, чем монархия» (с. 125). Схожие взгляды исследователь находит у В.М. Пуришкевича, призывавшего «остаться на почве касты» (с. 125). Впрочем, Репников также отмечает, что тяготение консерваторов к иерархии нередко было следствием не приверженности традициям, а социал-дарвинистских настроений, характерных, например, для М.О. Меньшикова (с. 169).

Как известно, Леонтьев видел в социализме «феодализм будущего», при котором «славянский православный царь возьмёт в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной» (с. 139). Однако бывший социалист и самый компетентный в теории и практике социализма консерватор Тихомиров подобных надежд не разделял. В книге также тщательно анализируются те различия, которые консерваторы усматривали между монархией, абсолютизмом и диктатурой (с. 161). По словам автора, если Леонтьев «считал восточную иерархическую структуру сходной со структурой российского государства», то Тихомиров «одинаково обособлял самодержавный идеал России и от европейского, и от азиатского идеалов» (с. 162). Д.А. Хомяков же и вовсе решительно утверждал: «Самодержавие ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесарского пошиба. Царь есть “отрицание абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамкой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной» (с. 161).

Исследователь без труда находит у «самобытников» фрондёрские тенденции. Тот же Тихомиров в 1905 г. писал: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах. И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию» (с. 247). С.Ф. Шарапов, обличая торжество бюрократии, заявлял, что оно началось ещё при Александре III, к которому в консервативной среде относились с особым пиететом (с. 165–166). Не менее хлёсткие суждения можно найти и у А.А. Киреева, Ю.С. Карцова и др.⁵

Правые предстают в монографии не косными охранителями бюрократического строя, но мыслящими, иногда страстно спорящими между собою людьми, ищущими спасения от надвигающейся катастрофы. Важной заслугой Тихомирова, по мнению Репникова, являлось то, что он

«один из немногих правых публицистов... всерьёз затронул вопрос о формировании *национально-мыслящей* интеллигенции, которая была бы “вписана” в сословные рамки самодержавной России», и попытался найти способ «обрушить образованный класс». Тихомиров считал, что «общество должно понять свою долю вины и свою обязанность исправить её», и «только тогда Россия выздоровеет (т.е. Россия интеллигентная)» (с. 174). Надежды оказались тщетными, уже в конце 1880-х гг. он отмечал: «Я не вижу в нынешней литературе большой работы национальной мысли, не вижу ни Аксаковых, ни Данилевского, ни Каткова, ни даже хоть бы Аполлона Григорьева» (с. 175).

Говоря об отношении консерваторов к парламентаризму, Репников уделяет основное внимание не критике представительных учреждений Катковым, Победоносцевым и Леонтьевым, а славянофильским проектам 1881–1882 гг. и деятельности правых в Думе в начале XX в. Тем самым противоречие между консерватизмом и парламентаризмом стушёвывается. «Для Аксакова, — пишет Репников, — провал всех его надежд и торжество Победоносцева, которого он называл “сумасшедшим”, было нестерпимо» (с. 195). В XX в. «проблема виделась многим правым не в самом факте существования Думы, а в её составе: “Теперь без Думы управлять нельзя. Не будь этой Думы, будет 4, 5, 6-ая” — отзывался Киреев о негативной позиции Грингмута и его единомышленников» (с. 202).

Таким образом, консервативные националисты оказываются не столько послушным инструментом самодержавия в борьбе с революцией и оппозицией, сколько элементом тогдашнего «гражданского общества» — во многом незрелого, поддерживавшего откровенно утопические социальные проекты, но всё-таки являвшегося частью европейского культурного пространства. Не случайно Репников отмечает симпатии Леонтьева к католицизму и указывает на близость Леонтьева и Тихомирова к западным «консервативно-революционным» мыслителям XX в., разрабатывавшим концепции «корпоративного государства» (с. 169).

Впрочем, характеризуя геополитические представления консерваторов, иссле-

дователь говорит прежде всего не о европейском, а о «восточническом» их крыле. Так, протоевразийские тенденции видны у кн. Э.Э. Ухтомского, мечтавшего о сближении с азиатскими народами. «Между ними и нами, — полагал он, — такое сочетание единомыслия по существеннейшим жизненным вопросам, что некоторого рода родство душ всегда определяется быстро и самым тесным образом. При глубоко, почти коренном различии национального психофизического облика, японец и простого звания русский всё как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам» (с. 244). Князю казалось, что «в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у её берегов необъятного синего моря» (с. 245). Неудивительно, что современные китайские историки видят в рассуждениях консерваторов о дружбе с Китаем лишь прикрытие колониальной экспансии России (с. 251). Всё же, при всех «романтических» увлечениях консерваторы думали, прежде всего, о русских интересах. Косвенно об этом свидетельствует и прослеживаемая в книге их эволюция от германофильства начала XX в. к германофобии военных лет (с. 260–270), вызванная сугубо прагматическими соображениями текущей *realpolitik*, а также отмеченный автором отказ большинства правых от идеи объединения славянства (с. 258).

Глава «Конфессиональный и национальный вопросы: пути решения», возможно, оставляет ощущение некоторой неполноты. Она посвящена преимущественно дискуссиям начала XX в. — в ней подробно изложена полемика вокруг записки митрополита Антония (Вадковского) «Вопросы о желательных преобразованиях и постановке у нас Православной Церкви» (с. 293), показана работа Предсоборного присутствия. Справедливо отметив, что «религиозный и национальный вопросы были тесно связаны в консервативной концепции», автор утверждает, что «ещё в конце XIX века некоторые из представителей русского консерватизма (в большей степени Леонтьев, в меньшей Катков и Тихомиров) были готовы отодвинуть на второй план русский национализм ради государствен-

ного единства» (с. 306). Леонтьев действительно считал, что «идея национальностей чисто племенных в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея в сущности вполне космополитическая, антигосударственная, имеющая в себе много разрушительной силы, и ничего созидającego, наций культурой не обособляющая» (с. 307). Отчасти соглашался с этим и Тихомиров. Однако совершенно иначе «русский вопрос» звучал в публицистике М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, а также полемизировавших с Леонтьевым А.А. Киреева и П.Е. Астафьева, взгляды которых стоило бы осветить детальнее. Но, конечно же, трудно не согласиться с выводами автора о том, что «доктрины о неравенстве рас были в целом неприемлемы для большинства консерваторов» (с. 307), а русский консерватизм той эпохи всё больше склонялся к синтезу либеральной и национальной идей (с. 314).

Анализируя социально-экономические аспекты консервативной идеологии, Репников обращается в основном к наследию Шарапова, Меньшикова и Тихомирова. Это закономерно, поскольку эта тематика волновала консерваторов всё же меньше, чем традиции, религия, эстетика и т.п. Однако не стоит забывать, что статьи Каткова оказывали серьёзное влияние на политику властей, а «Основные начала экономии» Н.П. Гилярова-Платонова до сих пор ждут вдумчивого исследования. Любопытно, что «в критике “язв капитализма” правые иногда были единодушны с левыми» (с. 358), признавая неразрешимость многих коренных проблем той поры без «потрясения основ». У вышедшего из революционной среды Тихомирова порою возникали и крамольные мысли: «Что же писать для правительства, если оно и не подумает читать тебя? Смысла нет. Вот если бы завоевать уже, скажем, рабочий мир, стать его органом (не самозванным, а уже признанным) — тогда можно иной раз и с правительством побеседовать: прислушается, пожалуй» (с. 369).

Последняя глава, посвящённая послереволюционным судьбам отечественных консерваторов, составляет едва ли не самую яркую часть монографии. Чего стоит одно только обвинение, предъявленное на суде доктору А.И. Дубровину:

«Следственный материал, имеющийся в деле: 1) Собственные показания обвиняемого: председатель СРН с 1905 до февр[альской] революции, отрицает гнусности этого союза, уверяет, что всегда любил евреев, утверждает, что “Союз” [занимался] культпросвет[ительской] работой. 2) Показания свидетелей: вся Россия знает о деятельности СРН. 3) Вещественные доказательства – прочерк. 4) Другие обстоятельства: гнусный старик, производит отвратительное впечатление, дрожит за свою шкуру» (с. 438).

Причины исторического поражения консерваторов начала XX в. А.В. Репников видит, помимо прочего, в том, что власть «делала ставку не на творческое начало в консерватизме, а исключительно на его охранительную составляющую»: «Власть поддерживала правых только тогда, когда нуждалась в них и закончила свой “роман” (по определению историка А.А. Иванова) с ними после подавления революции 1905–1907 гг. ... Все попытки консерваторов воплотить свои взгляды на практике потерпели крах. Они видели недостатки существующей системы, но не могли критиковать её открыто. Результатом стало разочарование во власти и её верховном носителе, нарастание... ощущения неизбежности “великих потрясений”, которые и не замедлили явиться в 1917 году» (с. 480–481).

Для понимания авторской позиции важны и предваряющие каждую главу эпиграфы, и содержащиеся в тексте от-

сылки к работам Э. Юнгера, Ю. Эволи, Р. Генона и др. Заключительную же главу открывают строки из воспоминаний генерала Л.В. Шебаршина и песни бардаромантика Сергея Калугина (с. 404), отсылающие нас к реалиям конца 1990-х гг. Размышляя над судьбами дореволюционных консерваторов, Репников пытается осмыслить и опыт своего поколения, включая и ту часть постсоветской интеллигенции, которая проявляла интерес к идеям «консервативной революции». Таким образом, монография приобретает ещё одно измерение: сохраняя черты научного исследования, она одновременно становится и выражением современной общественной мысли.

Примечания

¹ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; *он же*. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века). М., 2006; *он же*. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

² Кожин В.В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. 1969. № 10. С. 113–114.

³ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010.

⁴ Тесля А.А. Консерваторы в поисках будущего // Социологическое обозрение. 2015. № 1. С. 277.

⁵ Котов А.Э. Консерваторы в эпоху контрреформ: опыт разочарования // Российская молодёжь в XXI в. СПб., 2011. С. 170–176.